

Новая Польша 11/2011

0: СВОБОДА СЕБЯ ЗАЩИТИТ

— Двадцать лет назад вы написали, что в XX веке по сравнению с XIX в мире росла свобода личности, но экономическая свобода слабела. Что вы написали бы сегодня?

— Невзирая на разнообразные антилиберальные лозунги, мы живем во времена экономической либерализации. Если мы взглянем на последние 30 лет, то обнаружим, что почти всюду произошла приватизация. Распрощались мы и с точкой зрения, что в определенных сферах избежать естественной монополии невозможно, а в связи с этим ею должно обладать государство. В итоге наступило дерегулирование транспорта, телекоммуникаций, энергетики. Слабее всего ограничивали до сих пор социальное государство. Но это не означает, что ничего здесь не сдвинулось с места, — к примеру, Швеция 20 лет назад была гораздо более обременена в социальном отношении, чем теперь.

— Мы видим, однако, всё более отчетливый конфликт между государственным капитализмом — например, в его китайской версии — и свободным рынком. При этом отнюдь не очевидно, что свободный рынок выиграет. Именно страны государственного капитализма стали ныне мотором мирового роста.

— Во-первых, почему сразу конфликт? Конфликт чего с чем? Если экономика и хозяйство бедны, как в КНР, и страна начинает ускоряться...

— Однако Америка испытывает чувство поражения.

— Я бы так не обобщал. Развитие КНР — это огромные выгоды и польза для тех и для других. Для китайцев — потому что они не так бедны, как раньше; для американцев — потому что они покупают более дешевые продукты, а кроме того потому что... могут залезать в долги у китайцев. Китайцы не ввели у себя рыночного капитализма, но направление там ясное: меньше государственной собственности, больше частной; больше рынка, меньше вмешательства государства. Далее — открытость экономики. Для страны таких размеров КНР феноменально открыта международной торговле. И это триумф идеи экономической свободы.

— А порабощение центральных банков в течение последних трех кризисных лет?

— Если уж — то самопорабощение. Никто эти банки не заставлял в массовом порядке создавать деньги. Это, как я полагаю, не следствие вмешательства политиков. Время от времени центральные банки совершают очень серьезные ошибки, а очень серьезные ошибки в денежной политике, пожалуй, еще более болезненны, чем серьезные ошибки в бюджетной политике. Такой ошибкой может оказаться долгосрочное удержание весьма низких процентных ставок.

— Иначе говоря, нынешний кризис, по вашему мнению, не ограничит свободу?

— Кризис не будет продолжаться бесконечно. А расширится ли сфера свободы? Это будет зависеть от политики государств. Огромный государственный долг и старение обществ вынудит ограничивать государственные расходы. Я трактую это как увеличение независимости граждан от государства. Меньше граждан будет клиентами государства. И очень хорошо. Нездорово общество, где положение гражданина сильно зависит от бюрократии и пособий. В том числе и потому, что это означает ослабление семьи и объединений взаимной помощи, роль которых принимает на себя система социального страхования. Главной причиной такой экспансии государства была легкость его финансирования с помощью долга. Теперь это закончилось.

— А не следовало бы сказать применительно к экономике, что неважно, было ли какое-то решение рыночным или нет, зато важно, стало ли оно эффективным?

— Свобода как основа отношений между людьми защищает себя на двух уровнях: на уровне ценностей — многие люди объявляют себя, по крайней мере на словах, приверженцами свободы; и на инструментальном уровне — те варианты государственного устройства, где сфера свободы, в том числе экономической, шире, создают лучшие условия для людей, чем те, где свобода зауживается этатизмом. Гигантской ошибкой социалистов и прочих этатистов была уверенность, что виды государственного строя, основанные на свободе, окажутся недостаточно производительными и начнут рушиться, терпеть крах. После весьма болезненных

испытаний социализма и вообще этатизма на Западе известно, что сужение возможностей свободного предпринимательства фатально отражается на условиях жизни людей, тормозя инновации, а в результате — экономическое развитие. Нет эффективных антирыночных решений этатистского толка.

— **А вопрос бедности и помощи государства?**

— Предпосылка, что свободный рынок создает больше бедности, чем любой другой строй, ложна. Все оценки обязательно должны носить сравнительный характер, иначе они не имеют смысла. А на основании эмпирических данных мы можем сказать, что рыночный строй создает меньше бедности, так как предоставляет лучшие условия для развития. Далее, одна из распространенных ошибок — описывать рыночный строй как состоящий только из двух элементов: государства и рынка. На самом деле это не так. В строе, основанном на свободе, мы имеем и гражданское общество — всевозможные объединения, сообщества и организации, которые не принадлежат ни к государству, ни к рынку. Очень поучительно почитать, каким образом рабочие организовались в XIX веке в товарищества взаимной помощи. К ним принадлежали миллионы людей. Не нужно пренебрегать и благотворительностью, которая в XIX веке была нормой приличного поведения. Эти два крупных течения: взаимопомощь и благотворительность — оказались подорваны экспансией социального государства. Уже Алексис де Токвиль написал в 1835 г. «Записки о пауперизме» — необычайно вдумчивый и тщательный анализ того, как разрастающееся социальное государство деформирует людей. Чем ниже порог социальной помощи, тем больше доля тех, кто будет ею злоупотреблять, и тем меньше роль негосударственных механизмов помощи тем, кто испытывает в ней подлинную нужду. Социальная монополия государства не создает хорошего общества.

— **В идею свободного рынка вписан принцип личной ответственности: у каждого из нас складывается такая судьба, какую он себе заслужил. Не теряет ли актуальности этот принцип, когда в мире возрастают разные формы неравенства? Ведь они означают всё более и более несправедливые общества.**

— Каждая разумная дискуссия на эту тему должна начинаться с различения неравенства доходов и неравенства шансов. Если речь идет о неравенстве доходов, то встает вопрос: а каков его желательный, идеальный уровень? Нет возможности определить идеальный уровень дифференцированности доходов, так как в общественной морали такая норма отсутствует. Иначе обстоит дело в случае неравенства шансов. Каков здесь идеал? Нулевое неравенство, иными словами, равные шансы. В этом содержится великая либеральная идея. И фундамент, на котором можно строить общество в пользу морально доброкачественного и вместе с тем динамичного общества.

— **Неравенство доходов часто оборачивается неравенством шансов.**

— По-моему, если связь и есть, то между бедностью и неравенством шансов. Развитие ребенка сильнее всего тормозят патологии: мать — наркоманка, алкоголь в семье. Но я бы не связывал подобные патологии с рыночным капитализмом. Наибольшее количество патологий порождается доступом к деньгам без работы. В XIX веке этика рабочих была высокой. Пока в США не наступила экспансия социального государства, процент занятости среди негров был выше, чем среди белых. Надо видеть связь между патологией и неравенством шансов. Не удастся эмпирически доказать, что либеральные решения — иными словами, свободный рынок, гражданское общество, ограниченное государство — будут обязательно вести к более широкому распространению патологий по сравнению с другими решениями. На самом деле всё наоборот.

— **Вернемся к нынешним временам. Складывается впечатление, что сегодня все политики гонят мяч в одни, социальные ворота. Они не в состоянии — быть может, за исключением Латвии — взять на себя ответственность за всё, что сделано ими самими либо их предшественниками.**

— Это слишком сильное обобщение. Разумеется, среди политиков много таких, кто занимается чистой демагогией, но нетрудно найти и тех, чьи действия носят неэтатистский характер: в Австралии, Канаде, Новой Зеландии, в Словакии, Эстонии, Болгарии. В 2000 г. государственный долг в Болгарии превышал 70% ВВП, в 2010 г. он составляет 15%. Сравним это с Польшей. Добавим сюда — до известной степени — Швецию или Великобританию при правительстве Кэмерона. В Голландии тоже проведены глубокие реформы социального государства.

— **А имеем ли мы в Польше рост этатизма на протяжении последних трех лет или же нет?**

— Для политики реформ существовало изрядное политическое поле маневра, но его не использовали в достаточной мере, особенно в последний год. Можно было, например, больше приватизировать. Не имелось также никаких причин, чтобы проводить псевдореформы, как, скажем, урезать взносы в открытые пенсионные фонды (ОПФ). Равно как и никакого рационального обоснования провозглашать тезис, что польский капитал

лучше иностранного, — причем неважно, государственный это капитал или частный. Не было, наконец, никакой по-настоящему существенной, деловой причины форсировать слияние фирм PGE («Польская энергетическая группа») и «Energi», которое ограничивает конкуренцию. Это был ренессанс неосоциалистической доктрины. Иными словами, период сейчас — смешанный. Естественно, имели место и плюсы, особенно сужение пенсионных привилегий.

— Зато были реквизированы взносы в ОПФ. Вы не опасались, что, продолжая спор об ОПФ, вы прибавите сторонников «Праву и справедливости»?

— Я не могу одобрить предложения, которые считаю ошибочными и вредными, независимо от того, кто их автор. Как известно, к ПиС я относился весьма критически. Не потому, что это был ПиС, а лишь потому, что, на мой взгляд, они делали плохие вещи. Не желая придерживаться нравственности Кали